

ЮРИЙ ШИНКАРЕНКО

Свет в Шипучем овраге

СКАЗКИ ИЗ СУГРОБИХИ

Юрий Шинкаренко

**Свет в Шипучем овраге.
Сказки из Сугробихи**

«Издательские решения»

Шинкаренко Ю.

Свет в Шипучем овраге. Сказки из Сугробихи /
Ю. Шинкаренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856712-4

Современные литературные сказки о Сугробихе, как и все сказки на свете, показывают взросление главного героя. Пройдя вместе с Венькой, юным жителем Сугробихи, через волшебные испытания, которые преподносит необычная деревенская жизнь, читатели этой книги станут умнее и добрее, находчивей и мечтательней... Опыт, который даёт юному читателю погружение в сказочный мир Сугробихи, пригодится ему и во взрослой жизни.

ISBN 978-5-44-856712-4

© Шинкаренко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Каблук над Антарктидой	6
Вечная баба Маша	9
Большая волна	12
Свет в Шипучем овраге	16
Килоша	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Свет в Шипучем овраге Сказки из Сугробихи

Юрий Шинкаренко

© Юрий Шинкаренко, 2017

ISBN 978-5-4485-6712-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каблук над Антарктидой

В деревню Сугробиха новая географичка приехала с невиданной пышностью.

Выглядело это так. Впереди шёл мощный трактор и расчищал дорогу. За трактором двигался военный тягач и тащил за собой прикреплённый металлическим тросом автобус. За автобусом ползла легковушка начальника районного образования.

Новая географичка сидела в автобусе. Одна на весь салон. Она смотрела в карту. Разыскивала там деревню Сугробиха. Но деревню в карты не внесли.

Школьники Сугробихи хотели встретить географичку цветами, да во всей округе не отыскалось ни одной розы! Нашёлся только столетник. Он рос в большом чугунке и весь был надкусан директором школы.

Валентина Павловна, директор, имела полное право кусать растение.

Она сама его посадила, выходила и лечилась его горькими стеблями.

Когда трактор, военный тягач, автобус и легковушка пробрались сквозь сугробы к школе, у ворот их уже ждали. И школьники, и учителя. А впереди стоял Венька со столетником в чугунке.

Районный начальник и новая географичка выбрались на тропинку.

Венька шагнул им навстречу.

– Хорошо встречаете, – похвалил начальник Веньку, а учительнице сказал: – Я думаю, вы подружитесь с ними, Вельветта Игоревна.

– С этими туземцами? – хмыкнула географичка. Венька чуть не уронил чугунок. Хорошо, начальник районного образования подхватил.

Начальник сунул чугунок себе в машину и уехал. А Вельветта Игоревна стала преподавать географию.

Каждый урок она начинала словами: «Кроме вашей задрипанной Сугробихи, на свете есть много прекрасных городов, гор и морей...» – и рассказывала про города, горы и моря. Потом спрашивала домашнее задание. Если кто сбивался, Вельветта кричала и топала ногой. «Ничего, кроме своей задрипанной Сугробихи, не знаете, неандертальцы!» – повторяла она.

Венька не обижался на географичку. Ведь она мало прожила в деревне и ничего ещё не видела.

Не видела, что санный след бывает поутру фиолетов. Не знала, что в школьном колодце живут ласточки. Не догадывалась, что мыши, ворующие зерно со склада, нечаянно засадили им всю землю вокруг нор – и весной там зазеленеет рожь. Вот радости мышам будет!

Однажды Венька не смог ответить, где находится озеро Титикака. Вельветта разволновалась. Обозвала Веньку туземцем. И топнула ногой.

Высокий каблук на её сапоге на этот раз не выдержал и обломился.

Вельветта Игоревна зловещим голосом сказала:

– Все могут идти домой. Кроме Веньки. Он будет сидеть до вечера и учить географию. Чтобы неповадно было на чужие каблуки покушаться!

Она, прихрамывая, вышла из класса. А каблук, белый каблук-шпилька, остался лежать под учительским столом.

Венька честно досидел до вечера. Выучил глубину Титикаки, объём воды и даже перспективы судоходства.

Когда в классе стемнело, а края окон покрылись морозными узорами, Венька собрался домой. Учительский каблук он решил захватить с собой. На память о Титикаке. Но только склонился над ним, как услышал слабый голос:

– Не выбрасывайте, пожалуйста... Отдайте этот каблук мне.

– Кому это – вам? – удивился Венька.

– Ну, мне... Я здесь, на учительском столе.

Венька взглянул на стол. Там стоял глобус.

– Зачем вам, глобусу, каблук? – еще сильнее удивился Венька.

– Ах, это так можно сейчас – ходить на белых каблуках-шпильках!.. – мечтательно прошелестел голос.

– Разве вы умеете ходить? – спросил Венька. И сел на первую парту. Напротив глобуса.

– А как же? У всех планет такая участь – ходить без передышки, – голос глобуса стал чуть громче. – И днём и ночью мы ходим вокруг солнца. Если бы вы знали, какое счастье в вечном движении! Вот только каблук бы мне! Согласитесь, есть разница, в чём передвигаться – в бесшумных войлочных тапочках или на модном каблучке, от которого по всей Вселенной разносится звонкое и весёлое «цок-цок-цок»!

– Но это женский каблук, – сказал Венька и поднёс ладонь с каблуком к глобусу. – Соображать же надо! Хорошо, мой дед вас не слышит. Он бы до утра хохотал. У меня дед строгий. Он даже валенки разделяет на мужские и женские. Когда начинает их катать – у мужских делает сглаженную подошву. Вот смотрите... – Венька поднял ногу и протянул её к глобусу.

Послышался залиvistый смех, похожий на звон сосулек. Потом смех сменился чуть виноватым голосом:

– Простите, я не над валенками смеюсь. А над собой. Мне надо было полностью вам представиться. Вас, конечно, смутила моя фамилия – Глобус. Но ведь по фамилии не всегда определишь, чья она – мужчины или женщины. А имя мое – Земля. Маленькая Земля. Думаю, ваш дедушка не стал бы смеяться, узнав, КТО мечтает о женском каблучке. Так?

– Это другое дело, – смущенно сказал Венька. – Надо сразу было говорить, что вы дама.

Он достал из шкафа банку с резиновым клеем. Прилепил каблук к глобусу. Прямо к Антарктиде. Белый каблук сверкал под материком, словно ледяная сосулька.

– Полчаса не шевелиться! – сурово сказал Венька. – Пусть сохнет.

За окном уже горели звезды. Крупные, отборные.

Тяжело, наверное, Земле ждать, когда высохнет клей, ведь звезды так заманчиво зовут в дорогу.

Вдруг Венька спохватился:

– Пойдите... Вы сказали, что ходите вокруг солнца. Но этого не может быть! Нам Вельветта объясняла, что глобус – всего лишь модель Земли. А модели вокруг солнца не расхаживают. Они наглядными пособиями служат.

– Что понимает ваша Вельветта, – вздохнула маленькая Земля. – Мы все вращаемся вокруг солнца. Я, вы, ваш дедушка, ваша Вельветта. Пльвём вместе с большой Землей. Только одни про это забывают... А другие – нет. Каждую секунду помнят небо и представляют себе величественный небесный ход под тёплым солнечным боком, мимо далёких и близких созвездий.

Маленькая Земля чуть помолчала, потом продолжила:

– Кроме того, Веня, иногда и модель может жить настоящей жизнью.

И наоборот. Зачастую всё настоящее только кажется настоящим.

Венька покраснел. Чтобы не заметили, он склонился к Антарктиде.

Каблук уже присох. Венька проверил его на прочность и сказал:

– Сто лет продержится! Если топтать ни на кого не будете. Можете трогаться.

Маленькая Земля благодарно качнулась вокруг своей оси.

На прощание Венька спросил у нее:

– А наша Сугробиха вправду «задрипанная», как говорит Виолетта?

– Нет, – ответила маленькая Земля. – Она очень удобная. Я не променяю её ни на один город. Там много электрического света. А он убивает свет звёзд.

Венька вышел в коридор.

В темноте серебрилась огромная банка из-под повидла. В неё Валентина Павловна, директор, посадила маленький отросток столетника.

Венька полил цветок и вышел во двор.

В домах, укутанных снегом, горели жёлтые огоньки. Они не соперничали с небом, а звёздное небо, в свою очередь, не слепило, не затмевало уютного мерцания деревенских окон. Хорошо, когда мирно.

Венька потоптался на месте. Запрокинул голову к звёздам. И вдруг почувствовал, что тоже движется вокруг солнца. Вместе с большой Землёй и с маленькой... Вместе с дедом... Вместе с родителями... Вместе с удобной Сугробихой.

Каблучками поцокать по Вселенной хорошо. Но и в валенках тоже неплохо. Особенно, если они скатаны на мужскую колодку.

А наутро случился, конечно, скандал.

Вельветта увидела на глобусе свой каблук.

– Питекантропы! – сказала она и написала заявление об увольнении.

За ней приехал трактор, военный тягач, автобус и легковушка начальника районного образования.

Вельветта одиноко сидела в салоне автобуса, уставившись в схему метро. Что-то подчёркивала там ногтем.

А в окно она не смотрела. Да и не на кого было смотреть. Провожать её никто не вышел. И цветов ей не вынесли – директорский столетник только-только начал набирать в росте.

Вечная баба Маша

Взяла отгул баба Маша, школьная уборщица. А Венька – как раз дежурный. Поэтому директор Валентина Павловна попросила его вымыть пол в спортзале. Боится, что физрук чудить начнёт.

У физрука аллергия. Стоит ему наглотаться пыли – у него краснеет нос и начинается насморк. Но это можно пережить. Хуже другое...

Во время такого недомогания физрук отказывается вести свои уроки, слоняется по коридору и всем рассказывает, как надоела ему физкультура.

– В душе я физик, физик! – бьет себя в грудь физрук и шмыгает красным носом. – Я рождён, чтобы объяснять детям законы природы! А чем занимаюсь? Какие-то козлы, брусья, кольца... Тьфу!

Венька согласился мыть пол. Пришёл в школу пораньше. Набрал из колодца ведро воды. Открыл спортзал.

Первым делом он посмотрел на волейбольную сетку.

Строго говоря, это была никакая не сетка. Обычную сетку физрук презирал. Вместо неё он натягивал поперёк зала ленту красной материи. Потом брал тюбик зубной пасты и громадными буквами выводил на ленте какое-нибудь правило. Из учебника физики.

После каждого волейбольного матча надписи менялись. А не очень грамотные спортсмены становились отличниками по физике.

Сегодня на волейбольной сетке значилось: «ВЕЧНЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ НЕ БЫВАЕТ!».

– И дураку ясно, что нет ничего вечного, – сказал Венька вполголоса и обмакнул швабру в ведро.

– Маруся... – раздался вдруг укоризненный голос. – Что за ерунду ты городишь?

Голос был из шкафа со спортивными принадлежностями.

Венька рывком открыл фанерную дверцу. В шкафу лежали мячи, теннисные ракетки, шашки, шахматы, прыгалки-скакалки.

– Кто здесь разболтался? – строго спросил Венька и сунул голову прямо в шкаф.

Одна из прыгалок, розовая, шевельнулась и испуганно ойкнула.

Венька протянул к ней руку. Но прыгалка вдруг завопила:

– Не трогай! Отойди! Балбес! Я всё расскажу! Я директору нажалуюсь! Валентина Павловна! Ва-алентина Па-авловна-а-а!..

Венька растерялся.

– Валентины Павловны ещё и в школе-то нету, – сказал он, но на всякий случай отошёл от шкафа.

– Нету – появится, – произнесла прыгалка спокойнее. – И узнает, что ты без спросу по шкафам шариться и ко мне пристаёшь. Ох, и влетит тебе!

Прыгалка противно хихикнула.

А Венька возмутился.

– Ну, даёшь! Сама со мной заговорила, а теперь – ябедничать?

Прыгалка привстала на розовом шнуре. Ее ручка повисла в воздухе, словно голова кобры.

– Я? Заговорила?? С тобой??? – присвистывая от возмущения, спросила прыгалка. – Я с дураками вообще не разговариваю.

Венька сжал кулаки.

– Кто дурак?

– Ты, – ответила прыгалка. – В вечные двигатели он, понимаете, не верит!

– А ты веришь? – фыркнул Венька.

Вместо ответа прыгалка выползла из шкафа. Упёрлась одной ручкой о стул... Вторая – повисла в воздухе. А шнур между ручками стал быстро вертеться.

Он то и дело задевал половицы. И по гулкому залу разносилось: тук-тук-тук... Будто во всю ивановскую тарыхтит трактор.

– Чего глазеешь? – насмешливо спросила прыгалка. – Ждёшь, пока остановлюсь? Так я вечно могу крутиться!

Она чуть изогнулась, и розовый шнур с силой задел волейбольную сетку. Мол, полюбуйся.

Венька и сам уже понимал, какая глупая надпись на этой сетке: вечных двигателей нету... Ни одна штуковина не может вечно крутиться, вертеться, двигаться...

А прыгалка? А вечная прыгалка?

– Ладно, давай мириться, – вздохнул Венька. – Сама виновата. Зачем скрываешь, что ты вечная? Взяла бы, да и показала себя во время физкультуры. Всех бы переполошила! Физрук – точно! – сразу отпросится в отпуск. И засядет за новый учебник по физике. А спортзал в Сугробихе станет НАУЧНЫМ спортзалом. Только работать он будет по ночам, потому что днём ученых к тебе не подпустят местные девочки.

Прыгалка развернулась одной из ручек в Венькину сторону.

– Какие девочки?! Бе-е-е... – противным голосом проблеяла она. – Все равно дурак! Я жалею, что с тобой-то заговорила. Просто с подругой тебя перепутала. А девчонкам мне тем более нельзя показываться!

– Почему?

– По кочану! – Шнур прыгалки хлопнул об пол чуть сильнее. – Зачем девчонок дразнить? Они-то не вечные! Сколько рёву будет, когда выяснится, что вечная прыгалка есть, а вечных девочек не бывает.

Веньке стало обидно за одноклассниц.

– А Маруся? – спросил он. – Та самая, из-за которой ты со мной заговорила... Ей, значит, можно? Она, значит, вечная?

– Маруся – это особое дело, – проворковала прыгалка и прикрикнула: – Не называй её Марусей. Для тебя она баба Маша.

– Какая баба Маша? – удивился Венька. – Школьная уборщица, что ли?

– Будто в деревне другая баба Маша есть, – фыркнула прыгалка.

А Венька задумался, почему прыгалка выбрала в подруги бабу Машу? Что в ней особенного? Ну, в белых ботинках она любит ходить... В больших белых лыжных ботинках! Ну, ругаться не умеет. Даже если кто в грязных сапогах по полу пройдет – баба Маша все подотрёт и ни слова не скажет.

А в остальном – старушка как старушка.

– Никогда бы не подумал, что ты с какой-то уборщицей подружишься, – проговорил Венька.

– С «какой-то»?! – вскинулась прыгалка. – Ничего ты про бабу Машу не знаешь! Знаешь, что она до сих пор собирает фантики? У неё их уже миллион штук. И в куклы до сих пор играет! Думаешь, что у неё в сумке? Вязание? Фигушки! Там кукла и одежда для куклы. Сама шьет. И своей кукле, и внучкиной.

– Баба Маша играет в куклы? – не поверил Венька.

– Почему бы и нет? – хмыкнула прыгалка. – Она хоть и стала бабушкой, но осталась девочкой. Видел бы ты, что мы с ней здесь по утрам выделяем! Только белые башмаки в воздухе сверкают!

Прыгалка вдруг замолчала и перестала вертеться. Одна её ручка и шнур упали на пол.

– Ладно, надоел ты мне, – зевнула прыгалка. – Чао-какао!

Она быстро подползла к шкафу и забралась на своё место.

– Свет не забудь выключить, когда полы вымоешь, – напомнила, поудобнее сворачиваясь в клубок. – И шкаф закрой!

Венька закрыл шкаф. Вымыл полы. Выключил свет.

Хотел попрощаться с прыгалкой, но передумал. Вдруг она уже заснула?

Пусть набирается сил.

И бабу Машу он может хоть сто раз подменить. Пускай немного побездельничает.

Им, вечным, тоже нужен отдых.

Большая волна

В школу Венька выплыл за час до занятий. Именно – выплыл. Дело было в марте, а в марте снег в Сугробихе стремительно тает. И разливается тремя морями.

Чтобы добраться до школы, нужно преодолеть целых три водоёма!

Вначале Венька пустился по Огородному морю. Оно начиналось прямо от курятника.

Всякий раз, когда Венька отвязывал от забора лодку, белоснежные куры высыпали на берег, взмахивали крыльями, словно чайки, и просились на борт.

Но Венька отвечал:

– Не могу! Опасно!

Куры сердито разгребали мокрый снег на морском берегу и жаловались друг другу:

– Ко-ко-ко! Море – по ко-колени! А он ко-кочевряжится!

Огородное море действительно было самым мелким. Но говоря про опасности, Венька вовсе не кочевряжился. Он бы с радостью прокатил непонятливых птиц, если бы не... вёсла!

Ненадежными были Венькины вёсла!

Когда Венька отплывал от берега, они вели себя терпимо. Даже глупым курицам могло показаться, что безопаснее судна нет на белом свете.

Но едва лодка уходила в морские просторы, начинались всякие неожиданности.

Вот и сейчас... Только исчез за кормой берег, как левое весло вдруг выскочило из воды.

– Фу! Медузы! Не люблю! – дрожащим голосом сказало оно и ещё выше взлетело над лодкой.

Левое весло панически всего боялось. Оно было вырезано из осины – из дерева с дрожащей листвой.

Осинишко – так звали левое весло – с омерзением плюнуло в море. А потом уставилось в небо, всем видом показывая, что возвращаться в волны не намерено.

Зато правое весло заработало чаще и веселее. При этом оно забормотало:

– Медузы, медузы, кругом одни медузы... Жгучие, кусачие, колючие, бродячие!

Лодка завертелась на месте.

– Дубишко, перестань! – прикрикнул Венька на правое весло.

Дубишко, вырезанное из негибаемого дерева, Веньку послушалось. Но не так, как хотелось Веньке. Оно перестало работать. А говорить – не перестало.

– Медузы, медузы... – дразнило оно своего брата.

Лодка застыла на месте, чуть покачиваясь на волнах.

Венька хорошо знал свои вёсла. Пока Осинишку не успокоишь – пути не будет. И Венька склонился за борт, отыскивая в толще воды то, что напугало левого близнеца. Под водой он увидел зонтики укропа. Лодка стояла над затопленной грядкой.

Венька закатал рукава. Сорвал подводное растение. Протянул Осинишке:

– Видишь, укроп, а не медуза.

Осинишко недоверчиво покосилось на мокрый зонтик.

– Укроп, укроп... – мягко повторил Венька. – Это совсем безобидно! Вот крапива кусается! Но крапивы под нами нету – мама всю выполола.

Осинишко боязливо опустилось в волны. Мягкими толчками начало отгонять от себя воду.

Лодка задвигалась. Но опять по кругу! Это правое весло взмыло над бортом и уставилось в морскую даль. Оно походило на впередсмотрящего, который приставил ладонь козырьком и обзревает круговую панораму.

Венька собрался на него прикрикнуть, но не успел.

– Полундра! – завопило вдруг Дубишко. – По курсу – плавающая мина! Вёсла сушить!

Левое весло тотчас себя «высушило»: оно так живо выскочило из воды, что чуть не опрокинуло лодку.

Венька чертыхнулся. Окинул взглядом морские дали. Невдалеке качался на волнах семенной огурец.

Дубишко хохотало над своей шуткой. А Осинишко жалобно сообщило:

– И не смешно... Семенные огурцы тоже взрываются. Давайте переждём! Пусть подальше отплывет!

– Ну уж дудки! – разозлился Венька.

Он опустил оба весла в воду и стал грести, не обращая внимания на сопротивление братцев. Он стал похож на строгого отца, который тащит за собой двух упирающихся малышей.

Понемногу лодка разогналась. А в пролив, который соединяет Огородное море с соседним, она влетела почти на крейсерской скорости.

Шлёп-Шлёп-море – а соседний водоем назывался именно так – капитаны пересекали с опаской. Трудное для судоходства!

Во-первых, самое глубокое!

Во-вторых, со всех сторон открыто ветрам! Штормы в Шлёп-Шлёп-море – дело обычное.

В-третьих, на берегу этого моря стоял длинный ряд бань. В субботу, когда там начинали париться, над волнами неслись звуки березовых веников: «Шлёп! Шлёп! Шлёп!». А море застилалось густым паром. Попробуй возьми в тумане верный курс!

А еще на берегу этого моря жил кладовщик дядя Прохор. Он был «моржом»: любил перед работой побарахтаться в ледяной воде. Поскольку дядя Проша выглядел великаном, от его ныряний на море рождались цунами. Чуть зазеваешься, чуть запутаешься в веслах в такой миг – лодку, как щепку, может выбросить куда-нибудь на крыльцо деревенского магазина. Или, хуже того, – в чей-нибудь предбанник.

Входя в Шлёп-Шлёп-море, Венька сосредоточился. Но бань никто не топил: посреди недели это редко бывает. Поэтому видимость была хорошая.

Немножко штормило, но не так, чтобы бояться кораблекрушения.

Весла не скандалили. Работали молча и дружно. Правда, иногда правое весло исподтишка пыталось окатить водой своего братца. В ответ Осинишко, будто нечаянно, тоже шлёпало по самой поверхности воды. Часть брызг летела на Дубишку. А остальные доставались Веньке.

Мокрый Венька ёжился от холода, но терпел. Лишь бы поскорее выйти из Шлёп-Шлёп-моря!

Он уже миновал самую глубокую морскую впадину: затопленный колодец. И вдруг!

Справа по курсу Венька увидел дядю Прохора. Тот в одних плавках стоял на косогоре. Готовился к прыжку.

Какая волна хлестанёт сейчас по борту!

У Веньки дрогнули плечи.

Но дядя Проша не собирался поднимать цунами.

– Эй, на судне! – кричал дядя Проша и отчаянно махал рукой, как Робинзон,ждавшийся, наконец, корабля.

Венька заторопился к берегу. Что там случилось?

– Чудовище! – сдавленно пояснил дядя Проша. – Только что мимо меня проплыло Чудовище.

Оба весла сразу же вынырнули из воды и вздыбились над лодкой. Дубишко слушало дядю Прошу с любопытством. А Осинишко... Что, кроме страха, ждать от Осинишки?!

Дядя Проша торопливо рассказывал, что вот уже третий день спускается он после утренней зарядки к морю освежиться в ледяной воде. Но в это самое время мимо берега проплывает под водой какое-то Чудище-Юдище.

Оно пускает огромнейшие пузыри!

Его глаза светятся ярко-жёлтым светом!

Огромные такие глазищи! Размером в тарелку!

И что этому Чудовищу надо от дяди Проши? Зачем третье утро подряд подкарауливает подводный зверь безобидного кладовщика?

– В какую сторону поплыло Чудовище? – спросил Венька.

Дядя Прохор махнул рукой вглубь моря. Там на поверхности воды пузырился мутный свет.

Венька собрался было ринуться в погоню. Но вспомнил про Осинишку: куда с таким?

– У вас есть запасное весло? – спросил он дядю Прошу.

Тот растерянно пожал плечами. И вдруг вспомнил:

– У меня в бане – ковшик с длинной ручкой. Может, подойдет?

Венька согласно кивнул. Дядя Прохор засеменил к своей бане.

А Венька стал вынимать из уключины Осинишку. Пусть на берегу позагорает, чучело-канючило!

Но Осинишко неожиданно заупрявилось.

– Не надо, – жалобно попросило оно. – Я тоже хочу в погоню. Я попробую не бояться!

– Ты? Хочешь в погоню? За Чудовищем? – не поверил Венька.

– Хочу, – упрямо повторило Осинишко. – Я боюсь за брата! Разве банный ковшик защитит его от морского зверя?

– А ты? Защитишь?!

– Да, – сказало Осинишко так твердо, будто было вырезано из дуба. И скомандовало:

– Дубишко! В погоню!

Лодка рванулась вперед.

Вскоре они нагнали пузырящийся след. В толще воды Венька увидел огромную тёмную тушу.

Желтоватые холодные глаза Чудовища пристально смотрели на Веньку из глубины. А само оно несуетливо двигалось вперед – уж не заманивало ли лодку в ловушку?

– Не выйдет! – закричало Дубишко. – Не уйдёшь! На глубине будем драться!

Оно нырнуло в воду, пытаясь дотянуться до тёмной туши. И дотянулось: глаза Чудовища на миг закрылись, то ли от удивления, то ли от боли.

Дубишко же высунулось из воды и прокричало в запале:

– Осинишко! В пасть не суйся! По бокам колошмать! – и снова ринулось на врага.

Вода возле лодки запенилась, закипела.

А Чудовище вдруг грозно развернулось. И стало всплывать.

Весла, не сговариваясь, оттащили лодку от места битвы и приготовились к обороне.

А хребет Чудища уже показался над водой. Подводный гигант, весь покрытый водорослями и ракушками, утробно прорычал что-то и навис над лодкой, словно утёс.

«Прощай, Сугробиха!» – подумал Венька и в последний раз посмотрел на врага. И вдруг заметил на нём... какие-то буквы.

«МОЛОКО», – значилось на боку Чудовища.

И Венька сразу узнал «зверя», хотя водоросли плотно облепили его бока.

На воде, порывивая мотором, лежал давно знакомый деревенский молоковоз.

Ветровое стекло машины распахнулось. Из кабины выглянул водитель Серёжа.

– Венька, что за шутки? – строго спросил он. – Бочку мне поцарапал! Фару расколотил! Чуть-чуть – и потопил бы! Тебе что – места в море мало?

Пришлось Веньке объясняться с Сережей.

Потом и Серёжа рассказал Веньке, почему его молоковоз бороздит морские пучины. Это Серёжа в армию готовится.

Осенью Серёжа уйдет служить. Во флот. Чтобы не терять времени, Серёжа заранее начал боевую подготовку. Поставил на свою машину мощный винт, законопатил все щели. И пожалуйста, подводная лодка! Пока настоящую не доверили, и на такой можно тренироваться. Тем более, что дел под водой по горло!

Дел у Серёжи, действительно, много. Нужно в город молоко возить. Не ждать же, когда моря пересохнут. Молоко-то скиснуть может.

– Так что аккуратней веслами размахивай, – посоветовал Серёжа. – Не один в море!

Двигатель молоковоза взревел. Винт закрутился чаще. И автомобиль двинулся вперед, медленно погружаясь в волны.

А Венька поплыл в школу. По пути он крикнул дяде Проше, чтобы тот ничего не боялся.

– Понял! – ответил дядя Проша. – Я с косогора всё видел! Ну и Серёжа! Моряк так моряк! Никакие цунами его не пугают! А ты, Венька, большую волну выдержишь?

– Выдержу! – ответил Венька и крепче ухватился за весла. – С такими братьями я теперь и не то выдержу. Нырять смело!

Свет в Шипучем овраге

Урок рисования вышел печальным. Да и как не грустить... Веньке и остальным ребятам нужно рисовать конюха Овёсыча, а тот пришёл в школу с синяком.

Синяк он принёс на лбу. Идёт и всем рассказывает:

– Это я за бабочкой наблюдал! За капустницей!

– Разве бабочки нападают на людей? – удивилась Нина Васильевна, которая ведёт биологию и всё про бабочек знает.

– А она и не нападала. Она к колодцу летела.

– Это бывает, – подтвердила Нина Васильевна. – Летают они к колодцам.

– А у колодца – журавель...

– Неужели вернулся с юга? – ахнула Нина Васильевна.

Овёсыч помотал головой.

– Нет, я про другого журавля. Про шест, которым воду черпают. Ведро ещё к этому шесту приделано. Капустница-то ведро заметила...

– Верное наблюдение, – кивнула Нина Васильевна. – Капустницы – очень наблюдательные бабочки!

Овёсыч вздохнул.

– Капустница-то наблюдательная... Стороной ведро облетела. А я его не заметил. Вот и схлопотал доньшком по лбу!

Сел Овёсыч перед Венькиным классом. Ногу за ногу закинул. Бодрится. А видно: переживает.

– Может, в другой раз вас нарисуем? – предложил Андрей Андреевич, учитель рисования.

Овёсыч не согласился:

– Вот ещё, из-за бабочки урок срывать! Синяк – пустяк, синяк – не шишка!

– Да, – сказал Андрей Андреевич. – Шишку бы ребята не нарисовали. Светотени мы ещё не проходили. Шишки в следующем году рисовать будем. Приходите.

Овёсыч обещал подумать.

– Не прибавится во мне наблюдательности, – говорит, – приду к вам и с шишенцией.

Андрей Андреевич обрадовано кивнул головой и подмигнул ребятам. Мол, начинайте! Уж больно вид у Овёсыча хорош! Страдающий вид! Пушистые, как у кобылы Простушки, ресницы полуопущены. У глаз – печальные морщинки. Уголки губ поджаты, словно уздечкой стянуты.

Раскрыл Венька коробку карандашей и давай печаль Овёсыча на бумагу переносить.

Замечательный получился портрет. Не только лицо Овёсыча, но и его соломенная шляпа печалью дышит. Даже не печалью – мировой скорбью.

На шляпе Венька нарисовал бабочку-капустницу. Капустница держала в лапках полевой бинокль. Это для того, чтобы было понятно: наблюдательная бабочка!

Потом Венька принялся за самое главное. За синяк!

Вынул из коробки чёрный карандаш. Примерялся к портрету. И вдруг услышал:

– На-до-е-ло!

Венька с недоумением посмотрел на карандаш. А того даже потряхивало от возмущения.

– Что тебе надоело? – спросил Венька.

– Всё! Всё надоело! Сделал из меня козла отпущения! К остальным карандашам ты по-человечески относишься. А ко мне?! Ко мне?! Ни в грош меня не ставишь! Самую чёрную работу подсовываешь! Когда ты меня из коробки достаешь?! Когда нужно войну рисовать!

Дым и копоть! Когда пожар!.. Головешки, сажа! Если пиратов рисуешь, без меня, конечно, не обойтись! Повязки пиратские, чёрный флаг на рее!.. А мне надоело! Я устал от пиратов, от войн, от пожаров! Я хочу света! Я хочу быть в рисунках, где рожь и васильки, где цыплята клюют арбузную корку. Я не хочу, чтобы от моей работы люди хмурились.

Венька опустил голову.

– Как же я нарисую чёрным карандашом жёлтого цыпленка? – спросил он. – У каждого карандаша своя судьба, свое предназначение. Я же не виноват, что внутри тебя чёрный грифель.

– У тебя у самого чёрный грифель внутри, – отрезал карандаш. – А у меня там светло и чисто!

Венька пошёл на попятную.

– Хорошо, – пообещал он. – Больше тебя не трону. Синяк Овёсыча можно и фиолетом раскрасить. Ложись в коробку, отдыхай!

– Да не буду я отдыхать! – ещё сильнее возмутился карандаш. – Думай, что предлагаешь! Лежать мне, значит, без дела и вспоминать, сколько огорчений принес я людям, да? Вспоминать войны, пиратов, сажу пожаров, да?

Венька задумался.

– Ну, хорошо, – пообещал он. – Хочешь, я останусь после уроков? И мы с тобой нарисуем... Нарисуем... Кучу угля! Блестящего чёрного антрацита! А рисунок назовем «Зима в Сугробихе». Все будут смотреть на картинку, вспоминать пургу и представлять жаркую печку, в которой весело горит наш уголь. Очень светлый рисунок получится, тёплый.

Чёрный карандаш вырвался из Венькиных пальцев, сделал в воздухе сальто и приземлился на парту, на чистый лист бумаги.

Ловко балансируя на своем отточенном острие, он написал на бумаге: «Не доверяешь ты мне, не доверяешь...».

И добавил вслух:

– Давай сходим после уроков к Шипучему Оврагу. Я тебе покажу...

А что покажет, карандаш не сказал. Он замолчал, потому что к Венькиной парте подошел сам Овёсыч.

– О-го-го! – закричал Овёсыч. – Вот где Третьяковка-то! Какой портрет! Какое сходство!

Учитель рисования поспешил к Веньке. И одноклассники – тоже.

А Овёсыч – ну, чем не экскурсовод из картинной галереи? – всё нахваливал:

– Вы на синяк обратите внимание! Какой он праздничный, нарядный! А на бабочку гляньте! Как живая на моей шляпе пристроилась! И видно, что наблюдательная. С таким биноклищем! Будь у меня бинокль, я бы никогда о ведро не ударился.

Овёсыч, присмирив, долго разглядывал оптический прибор. Потом заторопился домой.

– Андрей Андреевич, – сказал он на прощание учителю рисования. – Как будете с ребятами шишку проходить – предупредите заранее. Сами понимаете, к такому уроку подготовиться надо.

Вслед за Овёсычем разбежались из класса и ребята. Урок рисования закончился. Но не для Веньки.

Венька прихватив мольберт, бумагу и карандаши, потащился к Шипучему Оврагу.

Овраг этот – метрах в пятистах от Сугробихи. Прямо посреди пшеничного поля.

Летом идти к нему одно удовольствие. Пшеницу штормит. Бронзовые волны, позолоченные на гребнях, спешат к горизонту. А над ними, как пиратские парусники, кружат вороны. Деревянный настил, который сугробихинцы протянули к Оврагу, нагрет солнцем. На нем греются множество разных животиков, брюшек и пузиков – шмелиные, стрекозиные, лягушачьи...

А сейчас... Настил пуст. Кругом унылая чернота. Одни бесконечные борозды. Поле вспахали, но даже ещё не засеяли.

Идет Венька через голое пространство и гадает, что забыл обиженный карандаш в Шипучем Овраге? Чем удивить собрался?

Шипучий Овраг Венька знает вдоль и поперёк. Сколько раз там бывал!

Когда-то Овраг хотели запахать. Но не успели. На его дне вдруг пробился родничок. Да не обычный, а минеральный. Вода оказалась такой вкусной, что Овраг решили не трогать. Лишь посадили по его краям черёмуху, чтобы не расползлся. И получилось совсем здорово! В августе спелая черёмуха осыпалась на дно оврага, прямо в родничок – и минеральная вода, настоящая на ягодах, превращалась в лимонад, терпкий, шипучий, прохладный.

«Что это карандашика к роднику потянуло? – гадает Венька. – Может, он химический какой? Обмакнёт свой грифель в воду – и вместо чёрного станет желтым, как цыплёнок, или бордовым, как зрелый арбуз».

Но карандаш к воде даже не спустился. Он выпорхнул из Венькиных пальцев, описал в воздухе крюк, показывая, где установить мольберт, и вернулся, словно бумеранг, в растопыренную Венькину ладонь.

Потребовал:

– Чуть придержи меня. Но не мешай! По бумаге я буду сам бегать.

Венька слабо сдавил карандаш. Поднёс его к мольберту. Чёрный грифель зашуршал по ватману. Там стали появляться линии, мелкие крестики, загогулины. Вовсе не жёлтые и не сочно-розовые. Чёрные!

От разочарования Венька уставился на Шипучий Овраг. Но и там немного радости взору! Черёмуха ещё не цвела. Её ветки смотрелись темно, сонно, почти сливались с бороздами, с отвесным обрывом, с тенями на дне Оврага.

Шипучая пена по ободу родникового блюдца казалась серой – от той же тени.

Венька поморщил нос. И не напрасно! Ноздрей вдруг коснулся черёмуховый запах. Прохладный, крепкий, *лимонадный* – он лился с бумажного листа.

А на самом ватмане... Там ярко, свежо, свадебно цвела молодая черёмуха.

И родничок на рисунке был не просто родничком. А частью какого-то праздника. Он торжественно серебрился на дне Шипучего Оврага – не невестина ли фата? Пузырьки воздуха на поверхности посверкивали, словно перламутринки.

И солнце!.. Оно зашло за белесую тучу, но яркости не потеряло.

Столько света и радости было в рисунке чёрного карандаша, что Венька не сразу решился заговорить.

Лишь спустя время спросил:

– Как же ты это сделал?

Глупый и наивный вопрос для того, кто уже третий год проходит в школе рисование. Разве Андрей Андреевич не объяснял такую технику рисунка? Чёрный карандаш покрыл часть листа штриховкой, а незаштрихованные части остались белыми, превратились в черёмуху, родник и солнце.

Но карандаша вопрос не смутил.

– Как я это сделал? – переспросил он. – А никак... Красота – она сама сияет.

Только тут Венька заметил, что черёмуха, родник и солнце не просто белые, а сияющие.

Это же подтвердил и Овёсыч. Когда Венька вернулся в Сугробиху, тот сидел на своем крыльце. Верхом на перилах. В руках Овёсыч держал бинокль.

– Бабочек, – пояснил, – наблюдаю!

А потом поинтересовался:

– Чем ты, Венька, в Шипучем Овраге занимался? Уж не бенгальские ли огни жёг? Такое сверкание – даже отсюда видно. Хорошо, я не через оптику наблюдал за Оврагом. А то бы обжёг глаза!

– Не-а, дядя Овёсыч, – успокоил Венька конюха. – Не обожгли бы. Сияние для глаз не вредно. А вот тьма и мрак – да! Их вы в бинокль лучше не разглядывайте.

Килоша

В углу спортзала, рядом с фанерным пьедесталом почёта, стояли две спортивные гири. Одна – восьмикилограммовая. Другая побольше, на шестнадцать килограммов.

Как-то на перемене Венька решил немного потренироваться.

Подошёл к маленькой гире. Сосредоточился. И вдруг услышал:

– Ах, оставьте меня... У меня мигрень!

Мигрень так мигрень! Мало ли у кого голова может разболеться!

Венька собрался перейти к турнику. Но раздался ещё один голос.

Густым басом заговорила большая гиря, которую все называли «Пуд».

– Извини мою жену, – сказал Пуд. – Ей действительно сегодня плохо.

– Какие извинения! – засмутился Венька. – Я всё понимаю. Я вообще сейчас из спортзала уйду. Пусть выздоравливает!

– Не уходи! – попросил Пуд. – Мне нужен совет.

– Какой же из меня советчик?! – возразил Венька, но всё же сел напротив Пуда, по-турецки скрестив ноги на мате. – Если только вот это пригодится... Моя бабушка лечит головную боль так. Сплетает на темечке тонкую тугую косичку. А потом изо всех сил – как дёрнет её! Получается как бы массаж.

Вдруг Венька замолчал и покраснел, сообразив, что гири – без единого волоска.

– Нет, нам другой совет нужен, – сказал Пуд. – Прочитай вот это.

Пуд протянул Веньке конверт.

Письмо было от продавщицы Зины.

«Дорогой Пуд, Гиря и ваши детки! – писала тетя Зина. – В первых строках своего письма хочу сообщить, что мы живы и здоровы, торгуем помаленьку.

Надумали открыть в магазине новый отдел. Для мётел и деревянных лопат. Я заказала из города ещё и скребки.

Все меня нахваляют. Говорят, правильно, Зина! В Сугробихе живём. Буран задует – всей деревней в новый отдел побежим. А пока ничего не покупают – наверное, не верят, что зима вернётся. Ну – им виднее!

Больше новостей у меня нет.

А письмо я пишу, потому что сердце заболело о вашем сыночке, о вашем Килоше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.